

КНИГИ КАК ПАМЯТНИКИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Каждая книга, будь она рукописная или печатная, заключает в себе историко-культурный и историко-информативный код. Он отражает определенный уровень накопления человечеством знаний в области культуры, науки, книжного производства и таит в себе другие отличительные черты своего времени. По внешнему виду и содержанию средневековой рукописи, например, можно относительно точно определить, когда она была создана, даже если в ней содержатся сочинения более ранних эпох. Хронологическими маркерами здесь могут служить язык, типы почерка, материал переплета, заставки, обрез тетрадок, водяные знаки бумаги, история текстов помещенных в рукописи произведений и т.д. То же самое относится и к книгам печатным. Благодаря датирующим признакам время издания печатной книги можно приблизительно восстановить в пределах хронологической погрешности 20–30 лет, даже если у нее будут утрачены листы с выходными данными. Еще более точная датировка возможна по содержанию книги научной. Во-первых, такие издания отражают уровень развития той или иной области науки как минимум в пределах десятилетия, а во-вторых, исследователи, как правило, стремятся учесть в своей работе новейшие научные разработки, и ссылки на них сужают хронологические ножницы предполагаемого выхода книги до двух — трех лет.

Книга, которую вы взяли в свои руки, тоже отражает черты своего времени. Она интересна тем, что представляет собой завершающий выпуск серии из трех сборников исследований болгарских и российских ученых, осуществленных ими

на протяжении последних 12 лет. Они вышли под общим названием «Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.)», однако каждый выпуск имеет конкретный подзаголовок. Это был своего рода мегапроект, в котором приняли участие 42 исследователя, создавшие в его рамках 70 научных работ.

Начало данной серии положил вышедший в Москве в 2010 г. сборник с подзаголовком «Взаимопознание», который был подготовлен учеными институтов литературы Болгарской АН и славяноведения РАН. Он является самым объемным, что вполне понятно. Произшедшие в последнем десятилетии XX — начале XXI в. политические и экономические катаклизмы в двух странах — «перестройка» в России и «переход» в Болгарии — приостановили традиционно прочные научные связи между двумя академиями наук. Резко сократился научный взаимообмен, командировки ученых за рубеж стали редкими, почти перестали выпускаться совместные научные сборники. Поэтому появление в 2006 г. двустороннего научного проекта (название которого повторил вышеупомянутый сборник) было встречено российскими болгаристами и болгарскими русистами с большим энтузиазмом.

В состоявшейся в рамках проекта научной конференции под названием «Болгария и Россия. XVIII–XX вв. Представления и реальность» (София, 2007) и в создании упомянутого сборника приняли участие в общей сложности 27 исследователей: 19 болгарских, 7 российских и один молдавский. Статьи болгарских авторов в нем были опубликованы в русском переводе и снабжены резюме на болгарском языке. Объем сборника получился большим, чем планировался, из-за неожиданной смерти его главного редактора с российской стороны, д.ф.н. Г.Д. Гачева. Он был болгарин по отцу и пользовался в Болгарии большой известностью. Поэтому группа из восьми болгарских ученых решила почтить его память, опубликовав о нем в сборнике свои воспоминания. Г.Д. Гачев не успел выполнить свою редакторскую работу. Вместо него ее проделал видный российский болгарист, иностранный член Болгарской АН, д.ф.н. Г.К. Венедиктов. Но он наотрез отказался от предложения участников проекта стать главным редактором сборника, и на

обороте его титульного листа скромно представлен лишь в качестве члена редколлегии. К этому следует добавить, что в первом сборнике была опубликована и авторская статья указанного ученого, речь о которой пойдет ниже.

Уже первый сборник стал свидетельством сдвигов, начавшихся после «перестроек» в болгарском и российском литературоведении. Зримые новации присутствуют даже в статьях, посвященных такой традиционной теме, как русско-болгарские литературные связи XVIII–XX вв. Это хорошо иллюстрирует, например, статья Дечки Чавдаровой¹ об отношении Ивана Вазова к России. Внимание исследователей ранее обычно сосредоточивалось главным образом на русофильских чувствах болгарского классика — здесь же автор показывает их неоднозначность. Она прослеживает, как Иван Вазов — этот создатель хрестоматийных, сакральных, мифологизированных образов Великой освободительницы болгар России и царя-освободителя Александра II — под влиянием жестокой политической реальности постепенно изменяет свое прежнее отношение к болгаро-российским связям и к державе-кумиру. Такая трансформация русофильских чувств у И. Вазова была неизбежной из-за неспособности России осознать освободительный со стороны болгар характер Балканских войн 1912–1913 гг. Этот новый угол зрения на проблему впервые был явлен в работе известной исследовательницы М. Цаневой, на которую неоднократно ссылается Д. Чавдарова.

Первый сборник также известил российского читателя о начале разработки в Болгарии историко-культурного пласта, связанного с пребыванием в стране многочисленной русской белой эмиграции. Октябрьский переворот 1917 г. и связанная вслед за ним Гражданская война вытолкнули за рубеж несколько миллионов русских людей, среди которых находились сотни ученых, писателей, журналистов, театральных деятелей и художников. Многие из них осели в Болгарии, которая стала для них второй родиной. Они преподавали

---

¹ Мы не приводим здесь полные названия статей авторов, поскольку содержание 1 и 2 российско-болгарских сборников упомянутой серии дается нами в Приложении в конце данного издания на с. 315–319.

в Софийском университете им. Климента Охридского и других вузах, играли на софийских театральных сценах, издавали газеты, общественно-политические и литературные журналы, публиковали на их страницах стихи и прозу, участвовали вместе с болгарами в проведении культурных мероприятий, связанных с юбилеями знаменитых русских писателей. До начала 90-х годов XX в. затрагивать эти темы болгарским и советским исследователям по идеологическим соображениям запрещалось. Снятие данного запрета закономерно привело в Болгарии к сдвигам в этом направлении (и болгарская сторона была здесь гораздо активнее, потому что белоэмигрантские болгарские издания и архивы были для российских исследователей малодоступны).

Доказательством этому служит открывающая первый сборник статья Радостина Русева о русских эмигрантских изданиях в Болгарии 1920-х годов. Ученый анализирует содержание одноразового выпуска «День русской культуры» (Варна, 1926), газеты «Русская речь» (1921–1922), сборника «Русские в Болгарии», изданного в Софии в 1923 г. Обществом болгаро-русской дружбы, газеты «Русское эхо» и другие материалы. Не упустил автор из виду и болгарские периодические издания с общеславянской и русской проблематикой: газеты «Славянски глас», «Славянски календар» и «Славянска библиотека». Их выпускало болгарское «Славянское общество», которое взяло на себя роль своеобразной консульской службы, решавшей социальные и политические проблемы русской белой эмиграции. По справедливому выводу Р. Русева, русские эмигранты в Болгарии внесли большой вклад во взаимное познание двух наших славянских народов и в популяризацию культурных достижений болгар в Европе посредством перевода памятников болгарского фольклора и литературы на русский язык, который был гораздо более распространен в Европе по сравнению с языком болгарским.

Рассматриваются в этом сборнике отношения болгар и русских в 20-е — 40-е годы XX в. и в ином плане. В статье И.И. Калиганова анализируется не то, что сближало два народа в указанный исторический период, а наоборот — то, что

способствовало их разобщению. В этой связи автор вглядывается в негативный образ большевистской России, который формировали у болгар газеты, брошюры и небольшие книги болгарских германофилов и русофобов. В такой «литературе» присутствовало много лжи и передергивания фактов из жизни Советской России, но наряду с этим в ней порой всплывало довольно много реалистичных картин о незавидном положении людей при тоталитарной власти большевиков. Это и нищета подавляющего большинства населения страны, и отсутствие нормального жилья, и социальное и политическое лицемерие власть предержащих, и жестокость, с которой они пресекали малейшие проявления народного недовольства, с легкостью подписывая приказы о физическом уничтожении несогласных. Рисуемые в подобных изданиях картины реализации бесчеловечного большевистского кредо «Власть всё — человек ничто», разумеется, не могли вызвать у болгарских читателей чувство симпатии к России (СССР) тех лет.

Новые веяния в болгарском литературоведении чувствуются и в статье шуменского автора Красимира Кунчева о народных болгарских обычаях, азиатском адате, шариате и поэме Г.С. Раковского. «Переход» в Болгарии повлек за собой расшатывание или полную утрату прежних политических, идеологических и другого рода ориентиров. По собственному признанию К. Кунчева, при изучении литературных текстов его уже не удовлетворяет использование традиционных литературоведческих методов — он чувствует необходимость привлечения фактов истории, социологии, политологии и антропологии. Вслед за этим заявлением он пытается соединить воедино Задунайскую и Волжско-Камскую Болгарию на основе мнимого сходства исторических судеб этих государств. Болгары и «булгары», по его утверждению, подвергались геноциду со стороны Османской и Российской империй, причем последняя вела себя к «булгарам» более жестоко, чем турки к болгарам задунайским.

К. Кунчев словно забывает о том, что ничего, кроме частичной генетической общности в далеком прошлом, эти два народа по мере дальнейшего исторического развития уже не

связывало. На завоеванных булгарами землях на значительном удалении друг от друга образовались два различных государства, не имевших между собой тесных политических, экономических и культурных контактов. Нет данных и о каких-либо заключавшихся между Задунайской и Волжско-Камской Болгариями военных союзах. Под воздействием включенных в состав этих государств этносов и культур своих соседей болгары и булгары стали разговаривать на разных языках (славянском и тюркском), пользоваться неодинаковой письменностью (славянской и арабской), придерживаться разных религиозных вероучений (христианство и ислам). Не наблюдается сходства (кроме древнейшего периода) и в развитии у болгар и булгар материальных культур. Несмотря на это, болгарский автор безоговорочно ставит знак равенства между двумя названными народами. Его блуждание в нагромождениях исторических фактов и мнений (подчас откровенно националистических) вызывает у читателя чувство удрученности. Оно заставляет вспомнить канун и период Второй мировой войны, когда некоторые болгарские псевдоисторики пытались доказать, что бывшие по крови ариями и пришедшие на Балканы из глубин Азии болгары численно преобладали над задунайскими славянами и превосходили их по уровню культурного развития. Тогда это было понятно, потому что Болгария стала союзником фашистской Германии, а та готовила полное или частичное уничтожение славян как представителей «низшей» расы.

Остальные статьи первого сборника выдержаны в традиционном литературоведческом ключе: они посвящены либо болгаро-русским литературным связям, либо анализу конкретных литературных произведений болгарских и русских писателей. Это статьи Г. Гачева об образе болгарина у «западника» И.С. Тургенева и славянофила К.Н. Леонтьева, болгарского исследователя Яна Милчакова о забытых литературных культурах А.Н. Апухтина и М.П. Арцыбашева, работы российских ученых Н.Н. Пономаревой о комедиях Йордана Радичкова и Станислава Стратиева и Г.К. Венедиктова о первых болгарских книгах XIX столетия в Москве. Это статья о русской ли-

тературе и возникновении болгарского романа, написанная Данчо Господиновым, и исследование Н.В. Злыдневой о творчестве Гео Милева и влиянии на него русского авангарда, работа о болгарской музыке в России В.Н. Федотовой. Мы не будем перечислять названия остальных статей и их авторов, поскольку всё это, как уже отмечалось, приводится в Приложении к третьему российско-болгарскому сборнику.

* * *

После завершения первого проекта почти сразу же началась работа над новым, который представлял собой его своеобразное продолжение. Хронологические границы исследований при осуществлении второго проекта были немного расширены, обновлены были его название и подзаголовок. Они стали звучать следующим образом: «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв. Утопии, образы и модели». На эту тему в Софии в 2011 г. состоялась российско-болгарская научная конференция, а позднее в Болгарии вышел совместный сборник под названием «Болгария и Россия. XVIII–XXI вв. Пути и Переputья» (София, 2017). Статьи болгарских авторов в нем были опубликованы на болгарском языке, а российских — на русском. Резюме болгарских статей приводятся на русском языке, а русских — на болгарском. В составах двух редколлегий произошли изменения: в болгарской Р. Русев сделался заместителем главного редактора Румяны Дамяновой, Николета Пытова — секретарем сборника, кроме того, в состав редколлегии был введен новый член — Камен Михайлов; российскую редколлегию возглавил И.И. Калиганов, и в связи появлением среди российских участников сборника историков и лингвистов в состав редколлегии вместо литературоведов Н.Н. Пономаревой и М.Г. Смольяниновой были введены историк В.И. Косик и лингвист Е.С. Узенёва. Оба предисловия к сборнику (одно на русском, а другое на болгарском) написала Р. Дамянова.

* * *

Во втором сборнике приняли участие со статьями 19 ученых: шесть российских и 13 болгарских. Две статьи участни-

ков сборника, одна болгарского, а другая — российского, являются лингвистическими и посвящены влиянию российской лингвистики на болгарскую во второй половине XX в. (М. Китанова) и категории *дистанции* и *л*-форме в болгарских сообщениях о России второй половины XX в. (М. Макарцев). Сами по себе они очень интересны, но, разумеется, не определяют лицо сборника. Тон его задает начальная статья сборника, написанная болгарским историком Илией Тодевым, о русском «Болгарском проекте», т.е. о том, какой, по замыслу России, должна была стать Болгария после освобождения ее от турецкого господства. Автор пытается ответить на вопрос, являлся ли этот проект утопией или упущенной возможностью движения болгар по магистрали Истории. В центре его внимания находятся варианты решения болгарского церковного вопроса (самостоятельность Болгарской церкви со своим патриархом, как при царе Симеоне, или пропорциональное представительство болгар в Константинопольском патриаршем совете?), этническая принадлежность будущего князя освобожденной Болгарии и ее место в возможной Балканской православной федерации и различие подходов к этим проблемам болгар и русских.

Работа И.И. Калиганова тематически связана с юбилеем освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и посвящена анализу содержания литературно-художественного сборника «Герои Шипки», выпущенного в СССР к столетию со дня освобождения Болгарии от османского господства.

В следующей за ней статье болгарского ученого К. Михайлова выдвигается положение, что после освобождения Болгарии от османского ига при строительстве болгарского государства его русские «проектировщики» пытались воплотить в жизнь те идеи, реализация которых была невозможна в тогдашней России. Они касались формировавшихся в стране правовой демократической базы, судопроизводства, принципов градостроительства, организации инженерных коммуникаций, системы здравоохранения и военного строительства.

Что же касается исследования российского ученого В.И. Косика о «русском вопросе» в Болгарии, то она посвящена не-

однозначному и изменчивому отношению болгар к России и противостоянию в их среде русофилов и русофобов. Последнее началось еще до освобождения Болгарии от османского ига и не прекращалось до конца правления последнего болгарского царя Бориса III включительно. Автор иллюстрирует это противостояние через поведение и поступки известных болгарских лиц, относящихся к двум противоположным лагерям, и приходит к выводу, что русофобство было в основном присуще властной верхушке, не без основания полагавшей, что политика России в отношении Болгарии была проникнута стремлением ограничить ее свободу в принятии политических решений. В то же самое время основная масса болгар относилась к русским с симпатией, что особенно проявилось в периоды пребывания в стране представителей нескольких волн русской эмиграции и том факте, что русофобство в Болгарии не отражалось на восприятии болгарами русской культуры.

К этому блоку хронологически содѣржательно примыкает и статья Р. Дамяновой о болгарской публицистике второй половины XIX в. (которая по непонятной причине попала в конец сборника и следует после работ, посвященных болгаро-русским взаимоотношениям и контактам в XX–XXI вв.). Она иллюстрирует неодинаковое отношение болгар к русскому языку, русскому влиянию и внешней политике России, в том числе и ее позиции к Болгарии.

Научные публикации Г.К. Венедиктова и М.Г. Смольяниновой касаются культурной и литературной деятельности болгар, находившихся в Москве в первой половине XIX в., и их контактов с московскими славянофилами того времени. В первой из них затронута такая известная личность, как Георгий Бусилин — первый болгарский студент Московского университета и создатель изданного в Москве «Болгарского букваря». Во второй рассказывается о болгарских студентах в Москве: Найдене Герове, Николе Катранове, Любене Каравелове, Райко Жинзифове — и говорится о славянофилах А.С. Хомякове, братьях Аксаковых, братьях Киреевских и др. А исследовательница Лиляна Минкова остановилась в своей работе на деятельности первого болгарского выпускника

Санкт-Петербургского университета Константина Петковича — филолога, переводчика, поэта и дипломата второй половины XIX в.

Присутствует во втором сборнике и то новое научное направление, которое было обозначено в первом сборнике: изучение русского белоэмигрантского литературного и культурного присутствия в Болгарии. Оно представлено статьями двух болгарских ученых — Радославы Илчевой и Христо Манолакева. В первой из них речь идет о созданном во время Первой мировой войны Корниловском полке, названном по имени его командира Лавра Георгиевича Корнилова. Этот военачальник стал символом белого движения и воспринимался в Советской России как самый ее непримиримый и яростный враг. Объектом исследования в статье послужила летопись (дневник) героических дел полка и его мирных будней во время Первой мировой и Гражданской войн и после эвакуации корниловцев из Крыма и пребывания их с 1921 г. в Болгарии. Значительное внимание в исследовании уделено культурно-просветительской деятельности корниловцев на новой родине, участию их в борьбе против фашизма в период Второй мировой войны и трагической судьбе тех, кто попал в руки СМЕРШ и был осужден в СССР как «враг народа».

Статья X. Манолакева посвящена деятельности в Софии русского эмигранта К.В. Мочульского, который в 1920–1922 гг. читал курс лекций по западноевропейским литературам в Софийском университете им. Климента Охридского. Автор реконструирует биографию ученого и очерчивает софийский круг русских интеллектуалов, в который входили юристы И. Сазонов и П. Богаевский, врачи В. Завьялов и А. Медведев, историки Н.П. Кондаков и М.Г. Попруженко, богословы Г. Глубоковский и Г.В. Флоровский и др. Кроме того, в статье анализируются научные публикации К.В. Мочульского в русской эмигрантской и болгарской периодике того времени. Выявлена в статье и роль ученого в распространении среди болгар знаний о русских символистах и акмеистах.

Весьма любопытна и статья Р. Русева, свидетельствующая об ослаблении взаимного тяготения между болгарами и рус-

скими в конце XX — начале XXI в. Автор привлекает материалы современной русской художественной прозы и констатирует почти полное исчезновение в ней болгарских образов, тем и реалий. Если они и возникают время от времени в русских рассказах, повестях и романах, то являются лишь блеклым отражением того, что уже писалась в годы интенсивных политических и культурных связей между двумя странами в 60-е–80-е годы XX в. Образы болгар изредка мелькают в них, как едва заметные тени, — исключение составляет лишь образ известной предсказательницы Ванги, что, по замечанию Р. Русева, не является странным, если учитывать увлечение русских всем таинственным, мистическим и сверхъестественным. Значительно чаще встречаются упоминания о разнообразных продуктах питания и некоторых других товарах, таких как болгарские сигареты, овощные консервы или прекрасное болгарское вино. Но всё это уже описывалось в предшествующей советской литературе. Несмотря на скудность подобных материалов, автор надеется, что дальнейший их сбор и систематизация позволят сделать более объективные выводы.

Оставшиеся пять статей второго сборника также являются существенным научным вкладом в изучение болгаро-русских культурных и литературных взаимоотношений. Н.Н. Пономарева прослеживает типологические параллели между болгарской и советской комедиографией XX в., а Милена Божикова сосредоточивает свое внимание на феминизации композиторского искусства в России XX в., останавливаясь на творчестве Галины Уствольской, Софьи Губайдулиной и болгарки Юлии Ценовой. Нина Димитрова обрисовывает читателю два различных образа Ф.М. Достоевского, присутствующих в болгарской межвоенной периодике и обычном читательском восприятии: «празднично-юбилейный» и «будничный»; Магдалену Костову-Панайотову интересует «дендизм» имажиниста Анатолия Мариенгофа, а Васил Балеvский анализирует творчество российского перебежчика Виктора Суворова, концентрируя свое внимание на его романах «Аквариум» и «Ледокол».

* * *

Третий болгаро-российский проект этой серии начался в 2013 г., и его отправной точкой стала проведенная тогда же международная научная конференция в Софии на тему «Болгарии и Россия (XVIII–XXI вв.). Стереотипы и деконструкции». На основе материалов конференции и появился совместный сборник научных статей, который вы держите в руках. Он включает в себя 16 работ ученых указанных стран: 10 болгарских и шесть российских.

Сборник открывает статья Камена Михайлова о ранних русских мемуарах, посвященных русско-турецким войнам XVII — первой трети XVIII в. Автор делает акцент только на негативных сторонах таких войн для болгарского населения, которые причиняли ему лишь одни страдания и привели к переселению его части в Молдавию, Бессарабию и Тавриду. Он считает, что до Крымской войны 1853–1856 гг. в России присутствовал слабый интерес к болгарскому народу, его исторической судьбе и культуре — русские испытывали к болгарам чувства безразличия, недоверия или даже неприязни. По его словам, одной из особенностей психологии русского народа являлось его доверие мнению западных научных авторитетов, которые относили болгар к татарам. В неких кругах русского общества (каких? — *И.К.*), утверждает он, существовали антиболгарские настроения, которые не смог искоренить даже Славянский комитет, так и не сумевший уравнять болгар в сознании русских с другими славянскими народами. Деятели этого комитета не смогли отыскать в болгарском народе какие-либо добродетели — они делали упор лишь на его горькой исторической участи. К. Михайлов упрекает авторов военных русских мемуаров за то, что те не рассказывали о болгарском народе, его обычаях и быте и рассматривали Болгарию только как территорию, удобную или неудобную для ведения боевых действий, забывая о том, что они были военными офицерами, а не учеными-этнографами. В целом название этой статьи не соответствует ее содержанию. Перед нами не анализ самих мемуаров с аргументацией, опирающейся на конкретные произведения и факты, а набор негативных яр-

льков и характеристик. Вместо ссылок на конкретику автор предлагает читателю в конце статьи список используемой им литературы, и это превращает его работу не в исследование, а своеобразное введение к нему, причем тенденциозное и предвзятое.

В центре внимания Николая Аретова находятся идеологемы, складывающиеся из образов России в болгарском сознании — обычно положительных, но иногда и не совсем лестных. Привлекаемые автором материалы имеют широкий хронологический диапазон, что является плюсом, хотя здесь порой встречаются досадные ошибки. Автор, например, пишет о зарождении «имперской» идеи «Москва — третий Рим» в XIX в., хотя, как известно, она была сформулирована еще в начале XVI в. старцем псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофеем. Об этой неточности автору было сообщено, но он пожелал опубликовать свой текст без исправлений. Тем не менее рассматриваемый в исследовании обширный фактический материал дает читателю богатую пищу для размышлений.

В работе Р. Дамяновой рассматривается деятельность в Болгарии Георгия Михайловича Владыкина, получившего среди болгар прозвище «Казак». Он был участником русско-турецкой войны 1828–1829 гг., остался в Болгарии, на протяжении четверти века учительствовал в Свиштове и Плевене, проявил себя талантливым резчиком по дереву и камню. Георгий Казак внес свой вклад в подготовку издания двух болгарских букварей и учебников по чистописанию, преподавал рисование, черчение, натурную живопись и другие дисциплины. Он создал собственную творческую школу, которую прошли не только его сын и два будущих известных болгарских художника — братья Николай и Димитрий Павловичи, но и другие местные мастера. К сожалению, для читателя остается загадкой, каким образом Георгий Казак остался в Болгарии и сумел в ней обосноваться. Ведь фактически он дезертировал из русской армии и остался на территории российского военного противника — Османской империи. Вероятно, ему грозило суровое наказание за какое-то совершенное им преступление, если уж он решил жить на Туретчине...

Н. Пытова обращается в своей статье к литературе и публицистике Любена Каравелова — крупного деятеля Болгарского национального возрождения, некоторое время жившего и учившегося в Москве. По ее аргументированному мнению, талант и полемическая искусность этого писателя проявились уже в первых его публикациях, которые печатались в московских газетах и журналах.

М.М. Фролова в своей работе касается информационных шор, обычно возникавших в дореволюционной и советской историографии при освещении пребывания на Балканском фронте императора Александра II в 1877 г. По ее справедливому замечанию, здесь наблюдались как преувеличение значения присутствия монарха в Болгарии, так и его недооценка. Автор пытается установить истинную картину события, привлекая к исследованию многочисленные и нередко противоречащие друг другу источники.

Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящена и статья И.И. Калиганова. Он анализирует репортажи о ней военного корреспондента князя Л.В. Шаховского, воскрешая красочные картины, которые возникали в сознании русских читателей при чтении сообщений этого журналиста. В них освещались переходы через Балканы Передового отряда генерала И.В. Гурко (Хаинкёйский и Арабо-Конакский перевалы), освобождение от турок Софии и многие другие яркие эпизоды той знаменитой военной эпопеи.

Об усилении русофобских настроений Болгарии свидетельствует помещенная в сборнике работа Илии Тодева. Из нее следует, что болгарские русофобы уже не довольствуются обливанием краской и разрисовыванием памятника Советской армии-освободительнице в центральном парке Софии. Они пытаются переформатировать и народную память об освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг., называя ее «оккупационной». Бесстрашный герой этой войны генерал М.Д. Скобелев превращается у них в позера и клоуна, русские полководцы называются бездарями, напрасно уложившими в землю массу русских солдат и болгар. Неслучайно поэтому статья И. Тодева имеет такое символическое название: «И на

Шипке не всё спокойно». Главной ее темой является проследивание словесных манипуляций, при помощи которых анекдот конца XIX в. о продаже Болгарией костей погибших турок в Англию на удобрение русофобы начала XXI в. пытаются выдать за реальный исторический факт.

Следующий затем блок из трех статей затрагивает более поздние исторические события: Балканские войны 1912–1913 гг. и Первую мировую войну. П.А. Искендеров анализирует связи между Россией и Болгарией в контексте указанных Балканских войн и конфликт взаимных ожиданий и расчетов российских дипломатов и болгарских правящих кругов. Используя неопубликованные архивные материалы, он останавливается на попытках российской дипломатии разрешить балканский политический кризис мирным путем.

В работе Н.С. Гусева очерчиваются «слепые» зоны, характерные для сообщений русских авторов о Болгарии и Сербии в 1912–1913 гг. Они возникали в них при характеристике сербского и болгарского монархов Петра Обреновича и Фердинанда Кобургского, отношений этих правителей с национальными парламентами, уровня развития образования и демократии в этих странах. По наблюдению ученого, русские люди воспринимали тогда Болгарию и Сербию романтически, относясь к этим государствам как к детищу своих усилий на Балканах.

Сава Сивриев посвятил свою статью отклику Ивана Вазова на открытое письмо Леонида Андреева к болгарам, готовившимся вступить в Первую мировую войну на стороне противников России — союзных Германии, Австро-Венгрии и Турции. Приведенные в ней материалы свидетельствуют о том, что острота полемики между двумя писателями и непримиримость их позиций была вызвана, прежде всего, различными точками отсчета.

Помня о положении, согласно которому история не знает сослагательного наклонения, автор следующей затем статьи В.И. Косик напоминает о нем читателю, но одновременно предлагает ему на секунду представить себе, что бы произошло, не встань Россия на защиту южных славян и заключи она

союз с Османской империей. Или, например, как бы развивались дальнейшие события, не окажись Болгария в стане противников России в Первую мировую войну и будь она союзницей русских. Рассматривая возможные исторические сценарии подобного рода, ученый останавливается на рассказе-фэнтези Ивана Вазова «Последний день XX века», в котором болгарский принц Борис женится на Татьяне — дочери российского императора Николая II, становится правителем мощного государства, в которое вошли все македонские земли, а Константинополь делается славянской столицей.

Продолжается в третьем сборнике и разрабатывавшаяся в предыдущих двух сборниках тема белогвардейской эмиграции. Она представлена в статьях Христо Манолакева и Радославы Илчевой. В первой из них рассматриваются особенности рецепции в Болгарии русской литературы в XX в. и роль в ней представителей русской эмиграции 20-х гг. этого столетия, в частности, ученых Константина Мочульского, Петра Бицилли и Михаила Попруженко. В статье также обсуждаются результаты, которых за истекшие 20 лет добилась сравнительно небольшая группа русистов Института литературы БАН (в нее помимо самого Х. Манолакева входили Радостин Русев, Радослава Илчева и Йордан Люцканов²). Р. Илчева в своей статье рассказывает о судьбе некоторых литературных героев шолоховского романа «Тихий Дон», многие из которых были реальными людьми, оказавшимися в результате Гражданской войны в Болгарии. Это генерал Петр Харитонович Попов, основавший близ Габрова первую казачью станицу, скитавшийся затем по Европе и умерший в Нью-Йорке, это генерал Александр Павлович Кутепов, создавший в Галлиполи из неорганизованной толпы казаков-эмигрантов образцовые воинские подразделения, лидер белого движения, ненавидимый

---

² Помимо монографий эта группа выпустила 6-й том «Руска литература» в восьмитомном издании «Преводна рецепция на западноевропейските литератури в България» (2001), сборник «“Погасло дневное светило”. Руската имиграция в България. 1918–1944» (София, 2010) и справочник «Периодиката на руската имиграция в България. 1920–1944. Енциклопедичен справочник» (София, 2012).

большевиками, похищенный агентами НКВД в Париже и про­ стившийся затем с жизнью при невыясненных обстоя­ тельствах, и другие исторические личности. Наибольшее внимание в статье уделяется Павлу Назаровичу Кудинову — человеку со сложной судьбой, завербованному советской разведкой и спо­ собствовавшему расколу в белом движении. После Второй мировой войны он был арестован сотрудниками СМЕРШ, репрессирован, отсидел много лет в лагерях и после освобождения возвратился в Болгарию, где и умер.

Болгарский ученый Р. Русев убедительно показывает связь творчества Теодора Траянова с русским символизмом, при­ бегая к скрупулезному анализу траяновской поэмы «Песнь песней».

Необычный образ Советского Союза, созданный болгар­ ским писателем Йорданом Радичковым в книге «Неосвещен­ ные дворы» (1966), рассматривает Н.Н. Пономарева. Несмотря на то что в повести отображаются необжитые уголки огром­ ной советской страны, где в жилищах все «удобства» нахо­ дятся на улице и даже отсутствует электричество, исследова­ тельница справедливо считает, что ее автор не намеревался привести читателя к мысли о цивилизационном дисбалансе в разных концах нашего государства. По ее мысли, главным для Й. Радичкова являлись живущие в этих «медвежьих углах» люди и их человеческие качества, а не их национальность или степень доступности для них благ цивилизации. Они изобра­ жены писателем с большой теплотой и нескрываемой симпа­ тией, которая передается и читателю.

Сборник завершает статья этнолингвиста Марии Китано­ вой, которая анализирует особенности болгарского ментали­ тета, отражающиеся в болгарских пословицах о жене.

* * *

Издание Институтом славяноведения РАН и Институтом литературы БАН трех болгаро-российских сборников за 12 лет, казалось бы, неплохой результат, вселяющий оптимизм в отношении дальнейшего развития научных связей между двумя указанными учреждениями. Но при этом возникают из-

вестные тревоги и огорчения. Третий сборник планировалось издать еще в конце 2015 — начале 2016 г., но из-за длительной задержки предоставления болгарской стороной своих статей российской редколлегии он выходит только теперь. Усиливаются в Болгарии, к сожалению, и русофобские настроения, которые отражаются ныне не только в работах некоторых болгарских историков, но и литературоведов. Помещенная в данном сборнике статья К. Михайлова может служить ярким тому примером.

Упомянем здесь и о другом грустном факте. Недавно в Институте литературы БАН было ликвидировано структурное подразделение, ученые которого занимались исследованием русской и советской литературы. С создания 70 лет назад профильного научного центра при БАН, разрабатывавшего эту область филологии, фактически и началась история болгарского академического Института литературы. Ныне этот корень был подвергнут иссечению.

Всё это заставляет воздерживаться от проявлений излишней радости по случаю выхода завершающего серию третьего научного сборника. Как станет развиваться в дальнейшем научное сотрудничество между двумя нашими институтами, покажет время. Будем надеяться на победу здравого смысла и осознание того, что наличие многих векторов научных связей (не только Запад, но Восток) всегда более плодотворно, чем их ослабление или полная ликвидация одной из двух составляющих. Важно принимать во внимание и тот факт, что в любой из гуманитарных наук всегда есть области, свободные от политической ангажированности.